

А. В. Сушков

ВЛАСТЬ И КОРРУПЦИЯ: РУКОВОДСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ДЕЛО О ХИЩЕНИЯХ ПРОДУКЦИИ НА КРАСНОЯРСКОМ ЗАВОДЕ ПЛОДОВО-ЯГОДНЫХ ВИН (1949 г.)

В годы Великой Отечественной войны верховная власть СССР была вынуждена предоставить местным управленческим структурам значительную самостоятельность. От партийно-государственных и хозяйственных руководителей требовалось организовать своевременные поставки на фронт оружия, боеприпасов, продовольствия, поэтому им было дано право самостоятельно распоряжаться ресурсами, при этом закрывались глаза на нарушение многочисленных инструкций, регламентов и положений, стеснявших эффективную работу промышленности. Война, потребовавшая не только подчинения, но и инициативы, способствовала в том числе и росту инициатив, выходящих за рамки закона. Среди должностных преступлений послевоенного времени на первое место вышло так называемое самоснабжение — ничем не прикрытое использование различными руководителями работниками материальных фондов предприятий и учреждений в личных целях. Руководители партийно-государственного аппарата, за годы войны научившиеся обходить всевозможные ограничения, установили взаимовыгодные отношения с хозяйственными руководителями.¹ Одним из примеров такого «сотрудничества» явились взаимоотношения между директором Красноярского завода плодово-ягодных вин и местной номенклатурой.

Начало 1949 г. в Красноярске не предвещало каких-либо драматических событий и складывалось для руководства края вполне успешно. В предыдущем 1948 г. — третьем году послевоенной пятилетки — промышленность

края впервые выполнила государственный план на 102,9%. Небывалого уровня достигли хлебозаготовки: третий год подряд край выполнял государственный план заготовок, и второй год — сверхплановые обязательства.² Поставки хлеба «в закрома Родины» были столь значительны, что Политбюро ЦК ВКП(б) 31 марта 1949 г. утвердило проект указа президиума Верховного Совета СССР о награждении работников сельского хозяйства и руководителей партийно-государственного аппарата Красноярского края орденами и медалями. Среди награжденных орденом Ленина были первый секретарь Красноярского крайкома и Красноярского горкома ВКП(б) А. Б. Аристов, председатель крайисполкома Е. П. Колущинский, секретарь крайкома ВКП(б) по сельскому хозяйству В. И. Пищулин. Ордена Трудового Красного Знамени были удостоены второй секретарь крайкома партии С. М. Бутузов и первый заместитель председателя крайисполкома М. И. Генер.³ Присвоение столь высоких наград руководителям края свидетельствовало об исключительно высокой оценке их деятельности со стороны центрального руководства и о прочности занимаемых ими позиций в партийно-государственной системе власти. Трудно было предположить, что спустя лишь месяц, когда в Красноярск с проверкой прибыл важный «цековский» чиновник, почва начнет уходить из-под их ног.

В Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) поступило заявление от бывшего главного инженера Красноярского завода плодово-ягодных вин Ф. А. Мокрицкого, который сообщал о хищениях с завода большого количества вина, совершаемых директором завода Н. В. Масловым, и о причастности к этим хищениям ответственных работников красноярских краевых, городских и районных организаций. Для проверки данных фактов в Красноярск был командирован ответственный контролер Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) В. Сарафанов.⁴ Результаты

¹ См.: Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. / О. Л. Лейбович. 2-е изд., испр. М., 2008. С. 10, 83–84; Суржикова Н. В. Печальное наследие войны: проблема криминала в послевоенном советском обществе (по материалам центральной и уральской прессы 1946 г.) // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: Шестые уральские военно-исторические чтения, посвящ. 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22–23 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 294.

² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 15. Л. 6–7, 49, 69–70; Шестакова А. Как был завоеван успех // Правда. 1948. 23 окт.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1522. Л. 143–151.

⁴ Там же. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 24, 27.

проверки оказались ошеломляющими: факты хищений на винном заводе, изложенные в заявлении Мокрицкого, получили подтверждение, а дальнейшее расследование показало, что нити данных преступлений тянутся на самый верх краевой властной вертикали...

Сорокапятилетний Николай Владимирович Маслов, кандидат в члены партии, возглавлял Красноярский завод плодово-ягодных вин с 1947 г. Впоследствии выяснилось, что к тому времени он уже не один год занимался хищением продукции завода: спирта, вина, различных ликеро-водочных изделий, газированной воды. Став директором, он получил практически неограниченный доступ к готовой продукции завода. Многочисленные знакомые нескончаемым потоком шли к Маслову и вместе с ним в его кабинете распивали спиртные напитки. Секретарь Маслова по его распоряжению несколько раз в неделю отправлялась в винный цех и возвращалась оттуда с несколькими «образцами» выпускаемой продукции, которыми тот угощал своих посетителей. Но, самое главное, Маслову удалось наладить сбыт винно-водочных изделий по цене, значительно заниженной по сравнению с розничной. А это уже требовало высокого покровительства, чтобы многочисленные проверки и ревизии не становились помехой. Так в числе пользующихся услугами Маслова появились многие руководящие работники, занимавшие ответственные должности в различных властных структурах, включая органы охраны правопорядка. Спирт, вино и ликеро-водочные изделия либо продавались им по низкой цене со склада завода, либо доставлялись бесплатно прямо на квартиры. В число пользующихся «услугами» Маслова входили, в частности, начальник городского отделения милиции Нефедов и его заместитель Симахин, которые на машинах приезжали на завод и за бесценок «затоваривались» вином.⁵

Нельзя сказать, что все без исключения работники завода закрывали глаза на противоправные действия Маслова. Настоящую войну директору объявил главный инженер завода Федор Андреевич Мокрицкий. Он неоднократно направлял заявления в центральные и местные партийные и исполнительные органы власти — в адрес заведующего отделом легкой промышленности крайкома ВКП(б)

К. Я. Ведяпина, первого заместителя председателя крайисполкома, члена бюро крайкома партии М. И. Генера и, наконец, министра вкусовой промышленности РСФСР Герасимова (из министерства заявление было направлено обратно в Красноярск председателю крайисполкома Е. П. Колущинскому). Но войну эту Мокрицкий безнадежно проигрывал: подношения руководящим работникам помогали Маслову без особого труда разрешать все возникавшие проблемы. Сам же возмутитель спокойствия был уволен с завода и в течение длительного времени не мог трудоустроиться.⁶

Но, несмотря на высокое покровительство, над Масловым все же нависла угроза надолго оказаться за решеткой. Дело в том, что он, как и многие номенклатурные работники, не смог устоять перед соблазном нажать в ходе проведения в конце 1947 г. денежной реформы. После опубликования закона о денежной реформе работники завода по указанию Маслова под видом выручки от проданной в ларьках винно-водочной продукции внесли в Госбанк 42 тыс. рублей. Одновременно на эту сумму было укрыто от учета почти 800 литров плодово-ягодного вина с тем, чтобы в последующем продать его на «новые деньги» и получить, таким образом, прибыль. Но сохранить проделанные махинации в тайне не удалось. Предприимчивость директора была по достоинству оценена Сталинским районным судом г. Красноярска, приговорившим его в феврале 1948 г. к 15 годам лишения свободы. На различные сроки заключения были осуждены другие участники данного преступления.⁷

Вот тут Маслову и пригодились предусмотрительно налаженные им связи. Не прошло и двух недель, как по протесту прокурора г. Красноярска В. Д. Абрамова, признавшего приговор слишком суровым, судебная коллегия по уголовным делам Красноярского краевого суда под председательством П. А. Антипова отменила решение районного суда и приговорила Маслова лишь к году исправительно-трудовых работ с вычетом 25% из заработка. Из зала суда Маслов был выпущен на свободу, а спустя несколько дней по указанию секретаря Сталинского райкома ВКП(б) г. Красноярска А. И. Ткачева (которого, как позже выяснилось, каждую пятницу Маслов

⁵ Там же. Л. 27–28; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 15. Л. 88; Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1488. Л. 200б.

⁶ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 31; ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1488. Л. 200б.; Ф. П-26. Оп. 22. Д. 15. Л. 300.

⁷ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 20, 29–30.

снабжал вином) непосредственный начальник Маслова — и. о. управляющего Красноярским крайкустотрестом Макурин — восстановил его в должности директора винзавода. Несмотря на наличие хоть и мягкого, но все же приговора по уголовному делу, вопрос о наложении на Маслова партийного взыскания даже не поднимался.⁸

Как хорошо известно, долг красен платжом. И вот к ближайшим Первомайским праздникам Маслов готовит целую партию подарков для местной номенклатуры и развозит их по квартирам. Чтобы не запутаться, он набрасывает список, кому и сколько бутылок необходимо доставить. Подарочные наборы Маслов комплектовал строго в соответствии с должностной иерархией адресатов. Так, председатель крайисполкома Е. П. Колущинский (официально — второе лицо в крае) получил по три бутылки ликера, наливки и плодового-ягодного вина, две бутылки спирта и ящик газированной воды. Такой же набор, но без спирта, Маслов отправил первому заместителю Колущинского М. И. Генеру. А секретарь Сталинского райкома партии Ткачев и председатель крайсуда Антипов, несмотря на весомый вклад в его освобождение из-под стражи и водворение на прежнюю должность, получили только по 3 литра вина и по одной бутылке спирта каждый. Не обошел вниманием Маслов и и. о. управляющего крайкустотрестом Макурина, и помощника прокурора Сталинского района Елизарьева, и других руководящих работников, раздав в общей сложности 114 бутылок.⁹

Однако вскоре выяснилось, что праздновать победу слишком рано, так как не все работники прокуратуры оказались втянутыми в преступную сеть Маслова. По представлению прокурора Красноярского края Н. И. Чекалова прокурор РСФСР Волин внес протест, на основании которого Верховный суд РСФСР в октябре 1948 г. отменил решение краевого суда по «делу Маслова» и вернул дело на новое рассмотрение. Это означало, что суровый приговор Маслову был неизбежен.¹⁰

Председатель краевого суда П. А. Антипов, тем не менее, не пожелал смириться со складывающимися не в пользу Маслова обстоятельствами. Трудно сказать, какие мотивы

двигали этим номенклатурным чиновником, откровенно пренебрегавшим элементарными правилами самосохранения и упорно пытавшимся освободить провинившегося директора от наказания. Казалось, он сделал все, что было в его силах, и успел «засветить» себя как в Красноярске, так и в столице в качестве заступника Маслова. Вполне возможно, что Антипов был связан с Масловым более крупными «делами», нежели все остальные чиновники. Так или иначе, но председатель крайсуда по подсказке второго секретаря Красноярского горкома партии А. П. Глазкова решился отправиться за помощью к первому секретарю крайкома А. Б. Аристову. Добившись приема, Антипов стал уговаривать Аристова подписать и направить в Москву на имя министра юстиции СССР К. П. Горшенина письмо с просьбой пересмотреть «дело Маслова» и смягчить его наказание. Доводы председателя краевого суда показались Аристову убедительными, вникать в суть и перепроверять излагавшиеся в письме факты он не стал и, в итоге, согласился подписать письмо, тем более что ходатайство Антипова поддержал и заместитель Аристова по горкому партии Глазков. В этом письме Маслов характеризовался положительно и в качестве подтверждения указывалось, что он никогда ранее не привлекался к административной либо партийной ответственности. Первый секретарь крайкома не подозревал, что Антипов ввел его в заблуждение: еще в 1934 г. Маслов, имевший к тому времени семилетний партийный стаж, был осужден военным трибуналом на три года лишения свободы и в связи с этим к нему была применена высшая мера партийного наказания — исключение из членов ВКП(б).¹¹

Министерство юстиции СССР пошло на встречу просьбе крайкома партии. «Дело Маслова» не было направлено в краевой суд, а рассмотрено в январе 1949 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР. Высшая судебная инстанция оставила в силе первоначальное решение краевого суда. Маслов и его защитники могли праздновать победу.¹²

Вряд ли они могли предположить, что не станет сдаваться Ф. А. Мокрицкий, уволенный ими с завода, объявленный клеветником и

⁸ Там же. Л. 30; Ф. 17. Оп. 49. Д. 1161. Л. 266; Д. 1163. Л. 84.

⁹ Там же. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 27–28; Д. 146. Л. 40.

¹⁰ Там же. Д. 134. Л. 30.

¹¹ ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 1488. Л. 20 об.; Ф. П-26. Оп. 22. Д. 15. Л. 88–89; РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 27, 30; Ф. 17. Оп. 49. Д. 1161. Л. 266.

¹² РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 30.

длительное время получавший унижительные отказы в трудоустройстве. Федор Андреевич фактически бросил вызов местной номенклатуре, направив в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) заявление, в котором он предъявил обвинения в коррупции не только Маслову, но и местным чиновникам. Мокрицкий серьезно рисковал: если заявление было бы признано клеветническим, то ему это могло стоить партбилета, и впоследствии, скорее всего, он был бы вынужден покинуть Красноярск. Но, на его удачу и к несчастью для его противников, ввиду того, что в заявлении были выдвинуты обвинения против краевого руководства, оно не было отправлено обратно в Красноярск, а подверглось проверке силами самой комиссии.

Прибывшему в Красноярск ответственному контролеру Комиссии партийного контроля Сарафанову достаточно быстро удалось установить круг тех, кому Маслов поставлял продукцию завода. Это были председатель крайисполкома Е. П. Колущинский и его первый заместитель М. И. Генер, заведующий общим отделом крайисполкома В. С. Красиков, секретарь крайисполкома М. Н. Меренков, заместитель председателя Красноярского горисполкома Е. С. Нифантьев, секретарь Сталинского райкома ВКП(б) г. Красноярска (позднее работал начальником политотдела Красноярской железной дороги) А. И. Ткачев, и. о. управляющего крайкусотрестом Макурин, председатель краевого суда П. А. Антипов, управляющий Красноярским отделением Госбанка Андреев, заведующий гаражом крайкома партии Отоп, работники органов милиции, прокуратуры и др. В ходе дальнейшего расследования «дела Маслова» было установлено, что в их число также входили высшие должностные лица руководства г. Красноярска — второй секретарь Красноярского горкома ВКП(б) А. П. Глазков и председатель Красноярского горисполкома П. Н. Громов.¹³

Расследование «дела Маслова» серьезно пошатнуло позиции А. Б. Аристова в руководстве края. Подписав письмо в Министерство юстиции СССР, Аристов невольно стал соучастником чужих преступлений. Но даже если бы не было злополучного письма в Москву, один только факт, что получателями «подарков» от Н. В. Маслова оказались весьма высокопоставленные руководители города и края, среди

которых были сразу три члена бюро крайкома партии, бросал тень на Аристова. Наличие же письма требовало от Аристова доказательства его собственной непричастности к получению подношений. К тому же разбирательство проводилось по указанию и под контролем всемогущей Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) — «ведомства Шкирятова». Заместитель председателя комиссии М. Ф. Шкирятов, фактически ее возглавлявший, согласовывал свои действия с Секретариатом ЦК ВКП(б), конкретно — со вторым секретарем ЦК партии Г. М. Маленковым. И именно им, а не Красноярскому крайкому партии, предстояло сделать окончательные выводы по этому делу. Такое развитие событий грозило Аристову в ближайшей перспективе не только строгим партийным взысканием, но и понижением в должности.

Чтобы переломить ситуацию в свою пользу, Аристову необходимо было перехватить инициативу по выявлению нечистоплотных руководителей во властных структурах края, строго наказать виновных и тем самым показать Москве, что возглавляемый им краевой партийно-государственный аппарат в состоянии исправлять допущенные ошибки и самостоятельно очищать свои ряды от нарушителей закона. И действительно, инициированное им проведение масштабных проверок на предмет выявления причастных к хищениям и разбазариванию спирта на предприятиях, в организациях и учреждениях края принесло положительные результаты. По мере расследования этих дел Аристов предпринимал решительные действия по суровому наказанию всех причастных к хищениям лиц (в рамках компетенции крайкома). Постановлением бюро крайкома ВКП(б) от 9 июня 1949 г. за обман государства в период проведения денежной реформы и «растранивание» вина Н. В. Маслов был снят с работы и исключен из кандидатов в члены партии. Прокурору края Н. И. Чекалову вменялось в обязанность ходатайствовать в высших судебных инстанциях об отмене Маслову приговора «за мягкостью меры наказания». Тем же постановлением председателю краевого суда П. А. Антипову — главному инициатору отправки письма в Министерство юстиции — «за принятие вина и спирта от подсудимого бесплатно или по очень низким ценам, за неправильную информацию руководителей партийных и советских органов при защите Маслова» был объявлен

¹³ Там же. Л. 27–28, 31; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 15. Л. 88.

выговор (кроме того, Аристов добился снятия Антипова с занимаемой должности: на ближайшей сессии краевого Совета депутатов трудящихся был утвержден новый председатель краевого суда.) Следом вышли в свет еще два постановления бюро крайкома, касающиеся уже других подобных дел.¹⁴

Все это Аристов успел сделать до того, как в Москве должны были подводить итоги рассмотрения заявления Ф. А. Мокрицкого. Заседание бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), на котором решалась судьба самого Аристова и других руководителей края, состоялось 16 августа. Аристов заранее по телефону проинформировал комиссию о принятых крайкомом партии решениях по «делу Маслова» и на самом заседании не присутствовал. Бюро КПК принятым по итогам заседания постановлением повторило решение крайкома в отношении Н. В. Маслова: он был исключен из кандидатов в члены партии «за расхищение продукции предприятия», а Прокуратуре СССР поручалось привлечь его к судебной ответственности. А вот наказание по партийной линии бывшему председателю краевого суда П. А. Антипову, присутствовавшему на заседании, было ужесточено до строгого выговора с занесением в учетную карточку. Такая же мера партийного наказания была избрана в отношении заведующего общим отделом крайисполкома В. С. Красикова. Красноярскому крайкому ВКП(б) было поручено привлечь к партийной ответственности заместителя председателя крайисполкома М. И. Генера, заместителя председателя горисполкома Е. С. Нифантьева и других работников, виновных в незаконном получении продукции с Красноярского винзавода. Оперативность Аристова была оценена по достоинству: в постановлении ему было вынесено одно из самых мягких партийных взысканий — поставлено на вид «за то, что он, получив сведения о злоупотреблениях директора винзавода Маслова, вместо принятия мер к строжайшему его наказанию и наведению порядка на предприятии, направил необоснованное ходатайство в Министерство юстиции СССР с просьбой о пересмотре судебного дела Маслова Н. В.».¹⁵

Выявление случаев хищения и разбазаривания спирта на предприятиях пищевой

промышленности края после постановления бюро Комиссии партийного контроля не прекратилось, но обнаруживавшиеся новые факты были не столь масштабны, а если и затрагивали руководящих работников партийно-государственного аппарата, то лишь районного, а не краевого масштаба. Первому секретарю крайкома и горкома А. Б. Аристову такие итоги кампании были на руку: он отчитывался перед вторым секретарем ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым внушительными цифрами наложенных партвзысканий и произведенными оргвыводами, свидетельствующими о стремлении краевого партийно-государственного аппарата активно исправлять «допущенные ошибки».¹⁶

Многие руководители, прежде всего партийных и исполнительных органов, уличенные в получении похищенной на винном заводе продукции, а также проходившие по другим делам, в последующие несколько месяцев лишились занимаемых постов и вынуждены были, как когда-то Ф. А. Мокрицкий, искать себе работу. Некоторые из них, например, второй секретарь Красноярского горкома партии А. П. Глазков, даже поспешили удалиться из региона. С конца 1948 г. Глазков находился в Москве на годичных курсах Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Несмотря на его отсутствие в Красноярске, Аристов сохранял за ним кресла второго секретаря горкома партии и члена бюро крайкома, явно рассчитывая на его возвращение после учебы. Однако Глазков счел более целесообразным обратившись в Красноярск не возвращаться и уехать на Камчатку, потеряв при этом ключевой партийный пост, но избежав партвзысканий и потока критики в свой адрес. Поздней осенью 1949 г. он был тихо освобожден от должности второго секретаря горкома и выведен из состава членов бюро крайкома со стандартной формулировкой «в связи с выбытием за пределы края».¹⁷

А вот М. И. Генер о таком исходе дела мог только мечтать. Проблема заключалась уже не только и не столько в неоднократном получении «подарочных наборов» от Маслова. Благодаря «вовремя» поступившему в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) анонимному заявлению стало известно, что Генер осенью 1947 г. приобрел пианино и расплатился за него в ходе денежной реформы деньгами

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 49. Д. 1161. Л. 264–267; Д. 1163. Л. 81–86; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 1. Л. 162–163.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 134. Л. 20–21.

¹⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 1. Л. 161–166.

¹⁷ Там же. Д. 20. Л. 4, 531; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 476. Л. 13.

старого образца. А эти действия уже квалифицировались как нарушение закона о денежной реформе, и наказание за них не могло ограничиваться лишь наложением партвзыскания. Решением бюро Красноярского крайкома ВКП(б) от 18 октября 1949 г. М. И. Генер был снят с поста первого заместителя председателя крайисполкома, выведен из состава членов бюро крайкома партии с объявлением строгого выговора с занесением в учетную карточку. На ближайшем пленуме крайкома 2 декабря 1949 г. он был выведен из состава членов бюро и членов крайкома ВКП(б) с формулировкой «за нарушение постановления Совета Министров СССР о проведении денежной реформы, за использование своего служебного положения в личных корыстных целях, за бесплатное получение вина и спирта».¹⁸

Председателю крайисполкома Е. П. Колуцинскому удалось сохранить свое номенклатурное положение, но и ему пришлось пережить немало неприятных минут. Его фамилия не фигурировала в постановлении бюро КПК от 16 августа 1949 г. только потому, что он не смог присутствовать на данном заседании, по всей видимости, ввиду болезни. Поэтому было принято решение рассмотреть его дело на бюро комиссии чуть позже. Но за это время в Комиссию партийного контроля поступило анонимное заявление, в котором перечислялись различные злоупотребления служебным положением руководящих работников Красноярского крайисполкома Колуцинского, Генера и Красикова, главным образом расходование государственных средств на личные нужды. Анонимный заявитель оказался весьма осведомленным: большинству изложенных им фактов бригада из ЦК ВКП(б), прибывшая в Красноярск для проверки заявления, нашла подтверждение. В итоге постановлением бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1949 г. Е. П. Колуцинскому был объявлен строгий выговор с предупреждением и с занесением в учетную карточку «за недостойное поведение и нарушение государственной дисциплины в расходовании государственных средств».¹⁹

Нельзя сказать, что эти расследования прошли бесследно для руководителя края А. Б. Аристов. Бригада ЦК ВКП(б), работав-

шая осенью 1949 г. в Красноярске, также выявила факты расходования им государственных средств на личные нужды и внесла на имя второго секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова предложение рассмотреть эти факты на заседании бюро Комиссии партийного контроля. Проинформирован о них был и заместитель председателя комиссии М. Ф. Шкирятов. Однако никаких шагов по наказанию Аристова предпринято не было. Возможно, из-за того, что Аверкий Борисович в это время глубоко переживал личную трагедию: незадолго до описываемых событий от туберкулезного менингита умер его средний сын Геннадий. Переживания, связанные со смертью сына, вызвали тяжелое психическое заболевание жены Аристова, и она стала нуждаться в длительном специализированном лечении. Любые разбирательства могли усугубить положение этого руководителя, чей профессионализм высоко оценивался на Старой площади. Весомым аргументом в его пользу был и тот факт, что в «деле Маслова» и других делах фигурировали в основном руководители исполнительной ветви власти и не упоминался ни один из четырех (включая его самого) секретарей крайкома ВКП(б). Осенью 1949 г. край в очередной раз отчитался перед Москвой за успешное выполнение плана хлебозаготовок и повышенных обязательств, вновь перевыполнила план крайевая промышленность. Тайное голосование в состав крайкома партии на прошедшей в январе 1950 г. краевой партийной конференции показало, что Аристов, несмотря на драматические события последних месяцев, не утратил среди краевого управленческого корпуса былой популярности и доверия: против его кандидатуры из 435 делегатов конференции проголосовали всего лишь 18 человек, тогда как председатель краевого исполкома Колуцинский получил 60 голосов «против».²⁰

Тем не менее, в ЦК ВКП(б) не могли проигнорировать тот факт, что партийная организация в Красноярске, даже получив заявления от коммунистов, не сумела самостоятельно разобраться и наказать виновных в хищениях на винном заводе и что фигурантами дела являлись весьма высокопоставленные руководители города и края. Все это свидетельствовало о том, что возглавлявшаяся Аристовым не первый, а уже пятый год крайевая партий-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 146. Л. 37, 40; Ф. 17. Оп. 49. Д. 1164. Л. 77–78; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 20. Л. 3, 529–530.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 5. Д. 146. Л. 33–46.

²⁰ Там же. Л. 41; Оп. 3. Д. 6268. Л. 212; ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 1. Л. 163–165; Оп. 22. Д. 15. Л. 395–396; Правда. 1949. 18 окт., 12 нояб.

но-государственная машина дала серьезный сбой: механизмы, заложенные в основу ее деятельности, посредством которых должны были выявлять и наказывать нечисто плотных руководителей, не сработали. И Москва сделала свои оргвыводы: решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 февраля 1950 г. А. Б. Аристов был освобожден от обязанностей первого секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) и утвержден первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б). Предшественник Аристова в Челябинске А. А. Белобородов и другие секретари обкома партии были сняты с должностей в связи с тем, что на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) работа Челябинского обкома партии была признана неудовлетворительной.²¹ Одним из обвинений, предъявленных секретарям Челябинского обкома партии, были установившиеся между ними и бывшим директором Челябинского Кировского завода И. М. Зальцманом взаимовыгодные отношения. Секретари обкома «...не только не принимали никаких мер по сигналам и критическим выступлениям коммунистов завода об антипартийной, провокационной деятельности Зальцмана,

но и скрывали эти сигналы от ЦК ВКП(б) и расправлялись с людьми, критиковавшими Зальцмана».²²

«Красноярское», «челябинское» и другие подобные «дела», связанные с различными злоупотреблениями служебным положением со стороны местной партийно-государственной номенклатуры, кроме того, свидетельствовали о ее демонстративном пренебрежении партийно-уставными нормами. Проиgnорировать столь опасные тенденции верховная власть страны не могла и ответила масштабными кадровыми чистками. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. по стране прокатилась волна кадровых перестановок на региональном уровне партийно-государственной системы власти. Одни руководители были сняты с работы со значительным понижением по номенклатурной лестнице, другие — отправлены на специально организованные в Москве курсы переподготовки руководящих работников, третьи — переведены на равнозначные посты в других регионах, что, как минимум, позволило разорвать сложившийся порочный круг патрон-клиентских отношений.

Ключевые слова: *Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), Красноярский крайком ВКП(б), Красноярский крайисполком, Красноярский горком ВКП(б), Красноярский краевой суд, Красноярская краевая прокуратура, Красноярский завод плодово-ягодных вин, денежная реформа 1947 г.*

POWER AND CORRUPTION: LEADERSHIP OF THE KRASNOYARSK KRAI AND THE 1949 CASE OF EMBEZZLEMENT AT THE KRASNOYARSK WINERY

In 1949 Krasnoyarsk was shaken by a series of resignations of the high ranking local communist party and state officials, the reason for which was the arrest and the pending investigation against the director of the local winery. This and a number of other revealed crimes related to embezzlement at the food industry companies of the Krasnoyarsk Krai were the evidence of the high scale of corruption in the ranks of the communist party and the government officials during the post-war period.

Andrey V. Sushkov

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1543. Л. 42; Оп. 116. Д. 480. Л. 2.

²² ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост. В. В. Денисов, А. В. Квашонкин, Л. Н. Малашенко и др. М., 2004. С. 241; ОГАЧО. Ф. П.-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 5, 16, 51, 66–67, 102–103, 117–120, 159–160, 173.